

Борис Вараксин

Дух Самуила

По мотивам легенд
Древнего Мира

Борис Вараксин

**Дух Самуила. По мотивам
легенд Древнего Мира**

«Издательские решения»

Вараксин Б.

Дух Самуила. По мотивам легенд Древнего Мира / Б. Вараксин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509663-0

Легенды Древнего Мира... Читаешь их и понимаешь: многое изменилось с тех пор. Нравы стали гуманней, человеческие поступки — понятней и объяснимей. Значит ли это, что мудрость древних канула в лету? Отнюдь. Просто старые истории надо заставить звучать по-новому. Этим мы и займёмся...

ISBN 978-5-00-509663-0

© Вараксин Б.
© Издательские решения

Содержание

Софонисба	6
Дух Самуила	8
Юдифь	10
Яблоко раздора	14
Седина в бороду	16
Козлёнок	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дух Самуила

По мотивам легенд Древнего Мира

Борис Вараксин

© Борис Вараксин, 2019

ISBN 978-5-0050-9663-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Софонисба

Битва закончилась. Кое-где ещё оставались очаги сопротивления, но путь к нумидийской столице был открыт.

Сципион, римский проконсул и командующий африканским корпусом, в окружении военачальников ждал, когда приведут циртского царя. Они были хорошо знакомы. Совсем недавно, в Пиренеях, воевали вместе. А теперь они враги. Обычное дело!

Вот и нумидиец. Некогда грозного противника подвели к Сципиону. Тот приказал оставить их одних...

– Что скажешь, Сифакс? Зачем ты поднял меч против Рима? Чего тебе не хватало?

– Рим – далеко, Карфаген – близко. И если могущественный Рим не может справиться с Ганнибалом на своей территории, то что говорить обо мне...

– И ты предпочёл Карфаген? И даже скрепил союз с нашим врагом брачными узами?

– Софонисба – прекрасная женщина. Я люблю её. Да, она дочь Гасдрубала. И что с того? Не станешь же ты упрекать меня в мелком тщеславии?

– Нет, дорогой, я могу лишь преклоняться перед твоим выбором. Ты – великий воин и не менее великий владыка...

В словах Сципиона послышалась ирония. Сифакс побагровел, но смолчал...

– Ладно. Ты действительно хороший воин. И мне не хотелось бы снова иметь дело с войском под твоим командованием. Побудешь возле меня. За тобой присмотрят. И не вздумай шутить...

Сципион щёлкнул пальцами и нумидийца увели. Римлянин довольно потянулся. Всё шло по плану.

Прошло несколько дней. Римские войска овладели Циртом и расположились на отдых. Сципиону, занятому важными делами, было не до своего знатного пленника. Он бы вообще не скоро вспомнил о нём, если б не обстоятельства, потребовавшие срочного вмешательства.

Когда Сифакса вновь привели к Сципиону, его было не узнать. Лицо бывшего царя осунулось, выглядел он сломленным и уставшим. Плен явно не шёл ему на пользу.

Проконсул смерил несчастного взглядом и сочувственно покачал головой:

– Есть жалобы?

Сифакс не ответил...

– Значит, нет... Хорошо... А где твоя жена?

Нумидиец вздрогнул и побледнел, в глазах появилась растерянность...

– Я скажу тебе, где она... Замужем... За Масиниссой... Знаешь такого?

Ещё бы не знать! Извечный союзник-соперник... Сифакс стоял перед римлянином и крупные капли пота проступали на его коже. Казалось, он сейчас рухнет без чувств... Сципион с довольным видом откинулся в кресле и после продолжительной паузы стражники бесцеремонно вывели нетвёрдо ступающего царя вон.

Военный совет, регулярно собираемый главнокомандующим, закончился. Все уже начали расходиться, когда Сципион сделал знак Масиниссе остаться. Тот нехотя повиновался. Недовольство подчинённого не осталось незамеченным, но командующий не стал акцентировать на нём своё внимание и лишь участливо спросил:

– Торопишься? К супруге?

Масинисса смущённо зарделся. Он был на седьмом небе! Ещё бы: встретить возлюбленную, с которой был вынужден расстаться несколько лет назад и узнать, что по-прежнему любим ею...

Сципион искоса поглядывал на поглупевшее от счастья лицо военачальника. Интересные они, эти африканцы. Гордые, смелые... И наивные, словно дети. Неужто не понимает, что его ждёт? Один уже породнился с карфагенским царём – и вот результат: сидит в плену, дожидаясь своей участи. Получить второго такого же? Этого Сципион позволить себе не мог...

– Да будет тебе известно, дорогой союзник: Софонисба – не просто женщина. Она – военный трофей. Может, самый главный в нынешней кампании. Не мой трофей, а всемогущего Рима, от имени и по поручению которого я действую. И на африканской земле она не останется. Дочь карфагенского царя, ведущего боевые действия в Италии, станет прекрасным сдерживающим фактором для Ганнибала и, соответственно, важным предметом для переговоров. Я уважаю твои чувства, но Софонисба отправится в Рим. Немедленно. Это приказ. Можешь с нею проститься.

На Масиниссу страшно было смотреть. Пепельно-серое лицо, потухший взор... Попытался что-то сказать, но наткнулся на неумолимый взгляд проконсула и смолчал. Неловко повернулся и вышел.

Недобрые предчувствия терзали Софонисбу: военный совет закончился, а мужа всё нет. Она понимала: что-то должно случиться. Рим не оставит её в покое. Статус дочери смертельно опасного противника исключает какие бы то ни было надежды на спокойное существование. Она – игрушка в чужих руках. Масинисса не сможет её защитить. Рим могуществен и беспощаден. Её судьба предreshена. Была какая-то надежда, когда совершенно случайно на улицах поверженного Цирта ей встретился её давний возлюбленный. Судьба даже подарила им несколько дней счастья. Но это ненадолго...

И что же делать? Смиренно принять свой жребий? Но она – царская дочь и никто не смеет помыкать ею. Однако, ради её освобождения война не прекратится. А значит, ей гарантировано положение заложницы, с которой будут поступать в соответствии с политической конъюнктурой. Что это такое – ей хорошо известно...

Софонисба взглянула в перстень на пальце. Крупный сапфир искрился в пламени свечи. Откинула его... Высыпала порошок в бокал... Осталось дожидаться Масиниссу.

Вот и он. Одного взгляда на враз поседевшего мужчину оказалось достаточно, чтобы всё понять. Улыбнулась своему незадачливому возлюбленному... Поднесла бокал к губам... Выпила...

Масинисса не сразу сообразил, что происходит. А когда понял – было уже поздно: бокал выпал из рук прелестной женщины и разбился.

Сципион был щедр и великодушен. Масинисса получил всё! В дополнение к своим восточным владениям ему достались и западные со столицей в Цирте. Теперь он был первым после Рима. Возможно, это как-то примирило его с потерей любимого человека. Но о чём думал угрюмый властитель африканского побережья Средиземного моря долгими бессонными ночами, ворочаясь на своём широком ложе? Чужая душа – потёмки...

Дух Самуила

На лагерь опустилась тьма. Солдаты, утомлённые испытаниями последних дней, отходили ко сну. Лишь факелы на сторожевых вышках да выкрики караульных подтверждали присутствие огромной массы людей, готовых по первому сигналу ринуться в бой. Но это будет завтра, на рассвете. А сейчас лагерь спит. Бодрствуют лишь военачальники, в последний раз сверяющие планы и диспозиции. Не спит и их предводитель, царь Саул, которому не до отдыха: слишком многое поставлено на карту, слишком велико грядущее испытание. И нет никакой уверенности в благополучном исходе дела. Скорее, наоборот: нехорошие предчувствия изводят душу. А это – плохой знак...

Саул размышлял: начинать сражение или всё-таки уклониться... Эх, посоветоваться бы с кем-нибудь... Авторитетным... Кто знает будущее... То есть с провидцем... Только где его взять, если он сам же и разогнал ихнюю братию... Всех этих колдунов и волшебников, магов и чародеев... Развелось их, понимаешь... Куда ни плюнь – сплошные ясновидцы... Слава Богу (Саул воздел очи к небу), Господь надоумил разобраться с этими тунейдцами... Избавиться от них... Без разговоров...

Но что делать теперь? Кто вселит в него если не уверенность, то хотя бы надежду. Неужто никого не осталось?

Проклятые слуги. Вечно лезут со своей исполнительностью. А голова-то на что? Почему не оставить хотя бы одного... Завалящего... Недоумки! Разогнать всех! Взашей! Выиграть битву – и разогнать! Эй, болваны, куда вы все подевались?

В шатёр протиснулась до смерти перепуганная (и подозрительно заспанная) физиономия бывшего царедворца Амнона. Одного взгляда на разгневанного хозяина оказалось достаточно, чтобы всё понять:

– О великий господин, предыдущий владыка перед битвой всегда справлялся насчёт благополучного исхода дела у знающих людей. И те не подводили. Один такой мне известен... Вернее, одна... М-м-м... Заклинательница... Тут, неподалёку... В селении Аэндор... И если будет угодно...

– Что ж ты молчал, чурбан неотёсанный? Скорей на коня!

В маленькой комнатке заклинительницы из Аэндора ничто не напоминало о магии и чародействе. Ни тебе старинных книг с истрепанными обложками, ни свитков с таинственными письменами... Саул успокоился. Всё-таки, к голосу Господа нужно прислушиваться и если сказано: «Волшебникам среди нас не место!» – значит, так тому и быть. В остальном же...

На очаге булькал чан с жидкостью, от запаха которой перехватывало дыхание, на полу тут и там разбросаны кости и черепа, в углу же угадывался скелет крупного животного. Заклинательница имела вид, несколько... э-э-э... эпатажный: кожа да кости, ключья седых волос, ниспадающие с полулысого черепа, безумный взгляд и кривящийся в беззубой улыбке рот... На тело наброшена сушая рвань... И постоянно бормочет что-то себе под нос...

– Милейшая, как вас там... Мне бы посоветоваться... По важному вопросу...

Старуха что-то буркнула, бросила в чан горсть порошка (отчего у присутствующих случилось помутнение в мозгу), плеснула пару поварёшек на раскалённые уголья и потёрла череп. Из облака пара проступил до боли знакомый образ предыдущего правителя, Самуила, реформатора и всенародного любимца:

– Зачем ты побеспокоил меня? Хочешь узнать, победишь ли завтра?

– Да – заикающимся от волнения голосом пролепетал падший перед великим предшественником Саул...

– А не гневил ли ты Господа в последнее время? Не делал ли что-нибудь, неподобающее твоему статусу? Ну, сам понимаешь...

Саул хотел уже было сказать: «Нет! Никаких претензий ко мне не было и быть не может!» – да осёкся. А как быть с заклинательницей? Вдруг в глазах Господа не всё так однозначно, как ему, Саулу, хотелось бы? Вдруг Господь эту даму числит среди наиболее злостных нарушителей божественного миропорядка? А он ей даже не представился и вообще пудрит мозги относительно своего общественного положения. Она же искренне считает, что перед ней какое-то чмо с непонятными запросами. Самуил же так, под руку подвернулся.

Между тем, Самуил истолковал молчание Саула по-своему. Взгляд его сделался презрительным, молчание – многозначительным. Наконец, всем присутствующим стало ясно, что Саулу в битве ничего не светит. Понял это и Саул. Он уже хотел было отдать приказ об отступлении, когда...

Пахучий дурман от кипящего варева сделал своё чёрное дело: Саул... уснул. Аммон, всё это время с тревогой наблюдавший за своим господином, еле успел подложить под склонившуюся голову вышитую бисером подушечку:

– Поспи, болезный. Сколько можно суетиться? Так и до беды недалеко!

Когда Саул открыл глаза, уже вовсю светило солнце, щебетали птички, порхали бабочки и стрекотали кузнечики. Царь, заботами верного слуги хорошо отоспавшийся на свежем воздухе, сладко потянулся и... вспомнил о битве.

Как ужаленный, вскочил на ноги: «Там же гибнут люди! Сражение-то никто не отменял!» Бросился на коня, хлестнул плетью. Конь взвился на дыбы, заржал... Маленький отряд поспешил в сторону лагеря.

А там уже вовсю кипела битва. Израильтяне, неожиданно-негаданно оставшиеся без командира, сопротивлялись отчаянно. Но филистимляне одолевали. И даже появление Саула уже ничего не могло изменить. Сражение было проиграно. Вчистую...

Юдифь

Раскалённое солнце повисло над Ветилуей. Пекло – дышать трудно. Всё живое попряталось. Город словно вымер.

Ожидание смерти... Может, ещё и поэтому столь безжалостно небесное светило. Ассирийцы никого не пощадят: ни старого, ни малого. Их жестокость всем известна.

А вон и они сами... Обложили город... Жителям и их защитникам только и осталось, что ждать конца. И он будет мучительным. Сначала не станет воды, затем – пищи... А потом люди начнут умирать: от жажды, от голода, от безысходности. Одна надежда – на Бога. Но у Него – свои планы...

Вода, ещё минуту назад струившаяся из фонтана, вдруг исчезла. Юдифь поняла: что-то случилось. До неё доходили слухи о каких-то ассирийцах. Но разве ей, первой красавице Иудеи, есть дело до чьих-то кровавых разборок? И если кому-то нравится дубасить друг друга чем ни попадя, крушить черепа и выпускать кишки – она-то тут причём? Пусть развлекаются! Сюда-то они не сунутся! Этот дом, этот сад, этот чудесный фонтан знают все! Ступить сюда без приглашения – значит, навсегда лишиться репутации! Ни один здравомыслящий мужчина себе этого не позволит!

Но что с фонтаном? Из него уже пять минут ничего не течёт! Последний раз такое случилось в прошлом веке и память о том печальном событии сохранилась в семейных преданиях! Что будет с любимыми газелями, если вода вдруг исчезнет? Лужайка перед домом, на которой они так весело резвятся, пожелтеет, трава пожухнет, превратится в песок... Бедные газели! Они этого не переживут...

– Рахиль, ты где? Что с водой?

Служанка, разговаривавшая с каким-то мужчиной через окошко в калитке, обернулась. Известие, только что ставшее ей известным, ошеломило её. Оказывается, в целях экономии водных ресурсов городские власти прекратили водоснабжение объектов, не являющихся важными в плане повышения обороноспособности города. В их число вошёл и фонтан. И это ещё не всё! Посыльный из городской администрации прозрачно намекнул, что с газелями, по всей видимости, придётся расстаться. Надвигается голод и тут уж ничего не поделаешь...

Между тем, Юдифь, пока служанка спешила к ней с печальными известиями, решила освежиться. Для чего сбросила с себя одежду и сошла в бассейн. Вода, усыпанная лепестками роз, приняла её в свои объятия. Юдифь провела пальчиком по воде... плеснула на грудь... притонула к соску... На край бассейна ступила Рахиль с круглыми от ужаса глазами и настроением сразу испортилось:

– Что? Ну, говори же!

– Госпожа, там – ассирийцы...

– С водой что? Мои газели...

– Они... Хотят... Отнять...

– Кого?

– Газелей... А воду они отключили!

До Юдифи не сразу дошёл смысл сказанного. А когда дошло...

Давно служанка не видела свою госпожу такой разъярённой: Юдифь буквально выскочила из бассейна и со сверкающим от негодования взором направилась к калитке. К счастью, ограда была высока и защитники крепости не смогли по достоинству оценить всё изящество её стройной фигуры. И если бы не забор – неизвестно, чем бы всё кончилось... Остались бы

среди защитников желающие умирать за Отечество... Служанка накинула на плечи хозяйки тонкую ткань, но та лишь подчеркнула её прелести.

Однако, запор на калитке оказался слишком тяжёл для изнеженных ручек первой красавицы. Юдифь получила передышку. «Эти мужчины... Эти жалкие ничтожества... Оставить меня без воды! Покуситься на моих любимых животных!» Слёзы брызнули из глаз. Но отчаяние длилось недолго. Слёзы высохли, а на прелестных губках обозначилось упрямство: «Значит, придётся самой постоять за себя. Надеяться не на кого! Даже на Бога!»

При мысли о Всевышнем вспомнились ассирийцы. Кулачки сжались от гнева: «Кто их сюда позвал? Почему Бог впустил иностранцев на землю моих предков, а теперь ещё и спокойно взирает, как меня оставляют без воды, грозят лишиться счастья общения с любимыми животными! После такого ничего другого не остаётся, как наложить на себя руки! Неужто Бог и это допустит? Нет, скорее Он позволит отрубить голову кому-нибудь ещё... Да вот хотя бы предводителю этих ассирийцев...»

Испугавшись самой мысли об убийстве живого существа, Юдифь в ужасе обратила взор к небу. Сейчас в белёсой пелене сверкнёт молния, грянет гром и на голову отступницы от идеалов всеобщего сострадания и милосердия падёт огромный камень...

Но гром не грянул, а вместо этого в вышине промелькнула ласточка. И это был уже добрый знак. Бог давал понять: она думает правильно, Он её одобряет и поддерживает. Как же хорошо, что ещё остались настоящие мужчины! Пусть и не здесь, на земле, а где-то там, в горных высях...

Получив наставление свыше, Юдифь больше не раздумывала. Плана у неё не было. Да и зачем он, если ею руководит сам Всевышний! Остаётся лишь следовать Его указаниям.

Отряд ассирийцев окружил двух женщин, покинувших осаждённый город. Отличная добыча! Солдаты причмокивали губами, перемигивались, а кое-кто даже начал сбрасывать амуницию. Однако, командир быстро навёл порядок, объявив женщин шпионками и отправив их в свой шатёр.

Здесь Юдифь скинула, наконец, своё покрывало и ассириец отшатнулся – беглянка была ослепительной красоты. Глазки служивого забегали, руки задрожали. Он уже начал судорожно теревить свой пояс, когда полог шатра откинулся и ворвались два дюжих молодца. Не говоря ни слова, подхватили пленницу и вынесли вон.

Насмерть перепуганный сотник, обливаясь холодным потом, рухнул на пол. Как он мог забыть приказ Олоферна: все подозрительные лица должны немедленно доставляться главнокомандующему! Рука нащупала копчик, воображение дорисовало остальное. Вот в задний проход медленно и неотвратимо входит остро заточенный кол... Проходит кишечник... Грудную клетку... Замедляется в районе горла... Последнее усилие – и острое выходит изо рта... Бравый воин вскочил на ноги и бросился за ушедшими: вымалывать прощение за задержку с доставкой арестованных.

Олоферн не верил своим глазам: перед ним стояла писаная красавица. Все вопросы сразу отпали. Хотя нет, один остался: не будет ли ей угодно задержаться в его шатре на пару дней... И ночей... Отказу не будет... Ни в чём... А чтобы не было скучно – он закатит пир на весь мир. Согласна?

Беглянка нехотя кивнула. Великий воин возликовал, причём его восторг был столь велик, что он даже не стал сажать на кол нерадивого подчинённого, послушавшегося его приказа, а приказал всыпать ему по первое число. Им оказалось 46 и провинившийся был безумно счастлив: от стольких ударов плетью ещё никто не умирал.

Пир вышел на славу. Вино лилось рекой. Олоферн, в предвкушении чего-то необычного, медленно, но верно терял рассудок. Внутри всё кипело, он себя еле сдерживал. Но насилие в данном случае было исключено. Во-первых, оно не соответствовало его статусу. Во-вторых, он же не похотливое животное, единственным оружием которого является грубая сила. Он хочет взаимности, хочет признания себя как личности, как высококультурного индивидуума. Как этого добиться? Щедростью, великодушием, личным обаянием...

Олоферн пил кубок за кубком и не пьянел. В этом читался какой-то вызов. На самом же деле, он попросту глушил непонятную робость по отношению к израильтянке. В ней чувствовалось какое-то превосходство. Словно она находилась под защитой кого-то чрезвычайно могущественного, превосходящего своей властью не только Олоферна, но и самого Навуходоносора...

Уже все пирующие клевали носом, а Олоферн, как одержимый, произносил здравицу за здравницей. Наконец, утомление сошло и на него. Слуги подхватили обмякшее тело и отнесли на кровать. После чего покинули помещение, оставив командира наедине с перебежницей.

Юдифь вглядывалась в храпящее и совсем не эротичное существо, по странному недомыслию Всевышнего именуемое человеком. Но человек не напивается до такого свинства! А этот хуже свиньи! Торчащие усы, всклокоченные волосы... В бороде застряли несколько крошек и при виде их Юдифь чуть не стошнило. Тронула лезвие меча, лежащего на полу. Острый... Не зная зачем, подняла... Занесла над головой... «Так вот, значит, как они рубят друг друга! Ничего себе, работёнка! Интересно, как я выгляжу со стороны? Такой меня ещё никто не видел...»

Хотела положить меч обратно, как неожиданно храп прекратился... Олоферн почмокал во сне губами и откинулся на спину... Юдифь с воздетым мечом замерла от ужаса. Неужто проснётся? Захотелось всё бросить и...

И в этот момент спящий открыл глаза.

Дальнейшее случилось само собой. Видно, рукой женщины водил Всевышний, который и направил клинок точнёхонько в горло пришедшего в себя врага. Тот и пикнуть не успел – железо с хрустом перебило кадык, мягкие ткани, позвоночник и застряло в перине. Голова откатилась в сторону.

Защитники города сразу признали в женщинах, стучавших в городские ворота, Юдифь и её служанку. Но спрашивать ни о чём не стали. Вид у обоих был... какой-то странный. Словно они не в себе. Направились в сторону городской площади. Туда же, привлечённые известием о чудесном возвращении соплеменниц, начали стекаться горожане. Площадь быстро заполнилась...

Установилась тишина. Все чего-то ждали. Юдифь опустила руку в мешок и явила на свет... человеческую голову! Толпа ахнула и отшатнулась. Красавица вытянула руку вперёд... разжала пальцы... Голова с глухим стуком упала на землю:

– Это Олоферн. Делайте с ним, что хотите. Мне он не нужен...

Губы скривились в презрительной усмешке и все мужчины, способные держать оружие, устыдились своей неспособности защитить прекрасную женщину от посягательств на её честь разного рода негодяев...

– Надеюсь, теперь вы не тронете моих газелей?

Повернулась и, сопровождаемая служанкой, растворилась во мраке ночи. Ей и впрямь никто не был нужен. Если только Рахиль...

Яблоко раздора

Мрак и ужас вселились в покои византийского императора Феодосия II. Все куда-то попрятались. Лишь тень евнуха мелькнёт за углом, да крадущиеся шаги придворного нарушат мёртвую тишину мраморного великолепия. Даже фонтаны журчат приглушённо, не говоря уже о фазанах, которые и вовсе исчезли с глаз долой.

Император занедужил. Морально. Удар, который его настиг, был силён. Обмануться в любимом человеке... В женщине... Что может быть печальней?

Феодосий глядел в окно и ненавидел весь мир. А всему виной – яблоко: огромное, спелое, душистое. Вон оно, на тарелке...

Тронул плод острием кинжала. Яблоко перекатилось с боку на бок и оказалось на голубом поле, окаймлявшем глазурованную поверхность. Феодосий уже хотел было вонзить в него кинжал по самую рукоятку, как на гляцевую поверхность фрукта села муха. Большая, зелёная. Во дворце таких не водилось. С ними вели непримиримую борьбу. По всему выходило – эта муха из Константинополя. Сама прилетела или ветром принесло.

Однако, на дворе уже четвёртый день полное безветрие и жара – о-го-го! Значит, сама... Неужто учуяла? Ну и обоняние!

Между тем, муха деловито потёрла лапками и приступила к обследованию кожицы заморской диковины. Император заворожённо следил за перемещениями обитательницы константинопольских трущоб. И чем дольше длилось это наблюдение, тем большее раздражение вскипало в его душе. Против кого? Да против юного поэта, подвизавшегося при дворе. Того самого, что пишет стихи. В общем-то, неплохие. Да что там говорить – нравящиеся императору. Особенно там, где Феодосий уподобляется лучезарному Солнцу, дарующему жизнь всему на Земле. И ведь обласкан был – дальше некуда... Придётся отрубить голову. А как иначе? Ведь это именно он и преподнёс любимому повелителю яблоко, с которого уже две минуты не слетает насекомое. Фрукт, безусловно, хорош! Только это яблоко однажды уже было подарено! Императрице Атенаиде! И не кем-нибудь, а им самим, византийским василевсом и автократом! Порадовал благоверную, называется... Внёс, так сказать, разнообразие в её рацион... Но вместо того, чтобы схрумкать яблоко с аппетитом, она не нашла ничего лучшего, чем переподарить мужнино сокровище какому-то проходимцу... Бумагоمارаке... Поэту недо-резанному... Убивать таких мало!

«И что теперь делать? Измена-то налицо! Просто так яблоки не дарят! Я, например, прежде чем подарить, столько всего передумал! Словами не опишешь! Кстати, закажу-ка я этому стихоплёту поэму. Про мой случай. Пусть перед смертью расстареется. Чего без дела в темнице прохлаждаться?

А с лицемеркой как поступить? Обезглавить? Но голову отрубят поэту, явно переступившему грань дозволенного! Это вопрос решённый! Укоротить обоих? Но жена императора – не жена булочника. В отличие от последнего, император в своём выборе не ошибается. И что это за автократ, если его супруга шашни строит с кем ни попадя? Нет, никто ни о чём не должен думать. Намекну-ка я ей, чтобы она... того... отбыла куда-нибудь подальше. В Иерусалим, например... Поклониться святым местам... Как истовой христианке... И ей хорошо, и мне спокойней. И пусть поторопится. Пока яблоко ещё свежее. Есть тут одна гречанка... Чудо, как хороша! Ей это яблоко и подарю. Надеюсь, на этот раз поэта не случится. Впрочем...»

Феодосий взял яблоко, потёр об императорскую тогу. Долгий же путь проделало оно! Поднёс ко рту... Вдохнул аромат... Не в силах совладать с вспыхнувшим желанием, с хрустом вонзил в перламутровый бок крепкие зубы.

Яблоко и впрямь было отличное: сочное и сладкое. Неизвестный в Византии сорт. Из Тавриды. Там таких – море! Пора налаживать торговые отношения. Атенаида-то в Иерусалиме наверняка задержится. А не захочет – он о том позаботится...

Седина в бороду

В зале заседаний болонского окружного суда царило уныние. Судья Джованни Баньони по прозвищу «крутой» еле сдерживал зевок. Спать хотелось страшно, но... Приличия требовалось соблюсти. Нельзя же демонстрировать публике совсем уж откровенное презрение к уголовному праву. Она же, эта публика, ждёт справедливости! И она её получит! С учётом мнения герцога, естественно... С которым он, Джованни, полностью согласен... Всегда... И остаётся только удивляться: как этот великий человек, не имея юридического образования, столь тонко разбирается в вопросах юриспруденции! В тех самых, о которые и учёные мужи спотыкаются. Что значит тонкий ум и политическое чутьё!

Взять, к примеру, нынешнего обвиняемого, Антонио Кобулетти. Другой судья выпустил бы бедолагу через пять минут после ареста. Прицепиться-то не к чему! Да, стоял на площади, разинув рот, глазел на базилику Сан-Доменико. Вроде, ничего страшного. А если с другого боку посмотреть? Народу на площади – никого, а этот целый час ошивается! Замышляет чего-то? И он что, не в курсе, что у герцога выборы на носу? Невесты... Из числа наиболее пригодных для такого дела представительниц знатнейших родов Италии... И в этой базилике ему венчаться... А ежели с герцогом в базилике что-нибудь случится? Ну, там, удар хватит или ещё что... Скажут: «Что же ты, Джованни, не предусмотрел, не проинтуичил, не распознал заранее всех возможных последствий столь невинного занятия, как разглядывание городской достопримечательности? Гнать тебя надо, Джованни, поганой метлой гнать. Чтобы и духу твоего больше здесь не было!»

Между тем, адвокат подсудимого совсем разошёлся и начал уверять присутствующих, что его подопечный в Болонье в первый раз... Что в его деревне кроме баранов и нет никого... Что он и сам... типа того...

«Ну-ну, на невменяемость решил надавить. У кого другого, может, и прокатило бы, но не у меня. Насквозь вижу! Адвокатские штучки... Пусть пудрит мозги кому-нибудь другому, а у меня мнение твёрдое...»

Джованни сдвинул брови и взял в руки молоток:

– Пять лет! Строгого режима!

Подумал и добавил:

– Без права переписки!

Адвокат замер с раскрытым ртом. Что его больше поразило: срок, режим содержания или лишение возможности письменного общения с родными и близкими – мы уже не узнаем, потому что Джованни покинул зал заседаний.

В соседнем помещении вот-вот должно было закончиться аналогичное судебное разбирательство, но уже под управлением Джузеппе Скворчоне, судьи по прозвищу «суровый». Джованни решил его подождать.

Об их тайне догадывались многие. Да и как можно что-то утаить, если при виде друг друга мужские лица озаряются светлыми, радостными улыбками. Сегодня же и подавно: Джованни просто сгорал от нетерпения поделиться изумительной вестью: он присмотрел лужайку, на которой они будут счастливы, как никогда!

В зале раздался взрыв хохота, что-то упало, послышались негодующие возгласы, двери распахнулись и под несмолкающие крики «Позор!» на пороге обозначилась фигура Джузеппе. Вопли публики его совершенно не интересовали. Их он слышал после каждого заседания и уже привык. Собственно, и на этот раз ничего нового не произошло. Привычное разбирательство, привычный приговор: десять лет каторжных работ.

«А что вы хотели, дорогие мои? Яйцо из герцогского курятника – это вам не хухры-мухры! За это и жизни можно лишиться! Что значит: нет доказательств? А величина? Такие яйца могут быть только у герцога!»

– Джузеппе!

– Джованни!

Мужчины бросились друг к другу. Нежностью озарились их лица...

– Милый, как я рад тебя видеть!

– И я, дорогой...

– Хочу тебя обрадовать. Догадайся, как...

– Неужели... Нет, скажи лучше ты... Порадуй своего верного пупсика...

– Ты прелесть... Мы сейчас отправимся в одно место. Представь себе: деревья, лужайка и... ручей. Чистый-чистый... Как слеза... Порхают бабочки... Гудят шмели... Жаворонок – фьюить... фьюить... Природа!

Джузеппе рассмеялся от счастья. Как же всё-таки чуден этот мир! Мужчины ещё раз соприкоснулись взглядами и отправились в...

Пожалуй, мы не станем называть это место. Почему? Сейчас поймёте...

Лужайка и впрямь была прелестна. Друзей охватило волнение. Всё располагало к тому, что на этот раз будет не как всегда... Произойдёт что-то необычное, невероятное... И это случилось.

Вдали, у ручья, кто-то был. Однако, лишние свидетели никому не нужны, судьям – тем более. Крадучись, подобралась поближе. Женщина! И какая: крутобёдрая, пышнотелая, кровь с молоком! У служителей Фемиды перехватило дыхание... Во рту пересохло...

Женщина была обнажена и явно собиралась искупнуться. В этом не было ничего особенного, и уж тем более предосудительного, но приятели замерли, как громом поражённые. То, что они увидели, нанесло их мироощущению страшный удар. Белокурая красавица заставила учащённо биться сердца, взволновала душу, стеснила грудь. Невольно начались сравнения. И все – не в их пользу. Разве такие ноги у Джованни? А руки... У Джузеппе они в два раза тоньше. Что же касается всего остального... Тут и слепому видно, сколь плохи дела у государственных служащих.

Дальнейшее требует отдельного разбирательства. Как могло случиться, что два авторитетных, заслуженных человека, облечённых властью и доверием самого герцога, вдруг начали соревноваться друг с другом, кто произведёт на незнакомку большее впечатление? А когда стало ясно, что оба ей абсолютно без надобности, принялись угрожать... Скатились до шантажа... Мол, будешь возражать – мы про тебя такое напишем! Век не отмоешься! И про злоупотребление доверием, и про посягательство на нравственность... Есть свидетели: у Джованни – Джузеппе, а у Джузеппе – Джованни. Ну, что? Согласна?

Однако, всё вышло не так, как им этого хотелось. Девушка, при всей своей стыдливости и застенчивости, не могла не заметить разницы в весовых категориях. К тому же, в требованиях престарелых мачо сквозила явная неуверенность в себе. В результате – полная конфузия.

Их судили... Приговорили к высшей мере... Судьёй был Марчелло из последнего по коридору кабинета – молодой, подающий надежды юрист с большими видами на будущее. Что ж, у Фортуны – свои пристрастия. Как, впрочем, и у герцога...

Козлёнок

Светало... Петухи начали свою перекличку...

Товит, крихтя, спустил ноги с постели, нащупал тапки...

Не спится старому. Там болит, здесь ноет. Побрёл на двор, постоял, подумал о чём-то. Вернулся...

Жена Анна вчера отправилась в гости. Внуков проведать. Вот-вот вернётся. Без неё – совсем тоска. Хоть помирай. Старость и так не в радость, а ежели ты, ко всему прочему, ещё и слепой, то совсем беда.

Повеяло прохладой и Товит зябко поёжился. Надо утепляться. Для этого есть стёганный халат. Остатки былой роскоши. Ох-хо-хо...

Бывали ведь и другие времена. Не чета нынешним. И деньги были, и достаток. Всё было, да куда-то подевалось. Как песок сквозь пальцы. Ничего не осталось. Ни-че-го! Если только внуки, а теперь уже и правнуки. Ну, и ладно. Жизнь прожита не зря.

Оделся потеплее, развёл огонь, уселся на стул. Придвинулся к пламени. Так теплее. А через какое-то время в окно заглянет солнце и станет совсем хорошо. Задремал...

Проснулся от шума в передней. «Анна!» – обрадовался Товит и не ошибся. Жена громынула ведрами, поворчала в темноте, вошла в комнату...

Товит сразу почувствовал: что-то не так. С женой кто-то есть. Посторонний... Но не человек... Неужто животное? Только этого не хватало! Мало им Тобика, который постоянно хочет есть! Как начнёт скулить... Всю душу вынет... Так и отдашь ему последний кусок... Чтоб замолчал... А теперь что? Ещё один рот? Совсем сдурела старая! О чём думает? Внуки, небось, не знали, как от лишнего едока избавиться. Тут-то им Бог бабушку и послал. Кот, наверное? Бедный Тобик! Ему от соседских кошек и так проходу нет. А теперь?

Животное издало звук и это было не мяуканье. Это было... блеянье! Коза? Но от козы никто избавляться не станет. Коза – это шерсть, молоко... Анна украла козу? Какой ужас! Бог этого не простит! Как она могла? Вот ведь, живёшь с человеком и даже не подозреваешь, что она – преступница... воровка... мошенница! Боже, пошли на её голову самые тяжкие кары, какие только возможны!

Анна, между тем, подозрительно вглядывалась в лицо мужа. Долгие годы совместной жизни научили её обходиться без слов с его стороны. Всё было и так ясно. И то, о чём подумал её благоверный, возмутило её до глубины души:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.